

УДК 569.89.01

В. А. ШИПИЛЛО

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БЕЛАРУСИ

Институт истории НАН Беларуси

(Поступила в редакцию 01.04.2014)

Антропологические исследования, проводимые сотрудниками отдела антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси, предоставляют исторической науке важные сведения о локальных особенностях физического типа населения, проживавшего на территории Беларуси в разные временные периоды.

Накопление материалов и систематические исследования формирования антропологического состава населения на территории Беларуси были начаты под руководством И. И. Саливон в 1966–1971 гг. В различных населенных пунктах БССР проводились раскопки белорусских сельских кладбищ конца XVIII – XIX в., в результате которых впервые была собрана большая коллекция краниологических, остеологических и одонтологических материалов этого периода (останки более 300 индивидов) (рис. 1). Автор проводила раскопки сельских кладбищ в д. Лукомль Чаш-

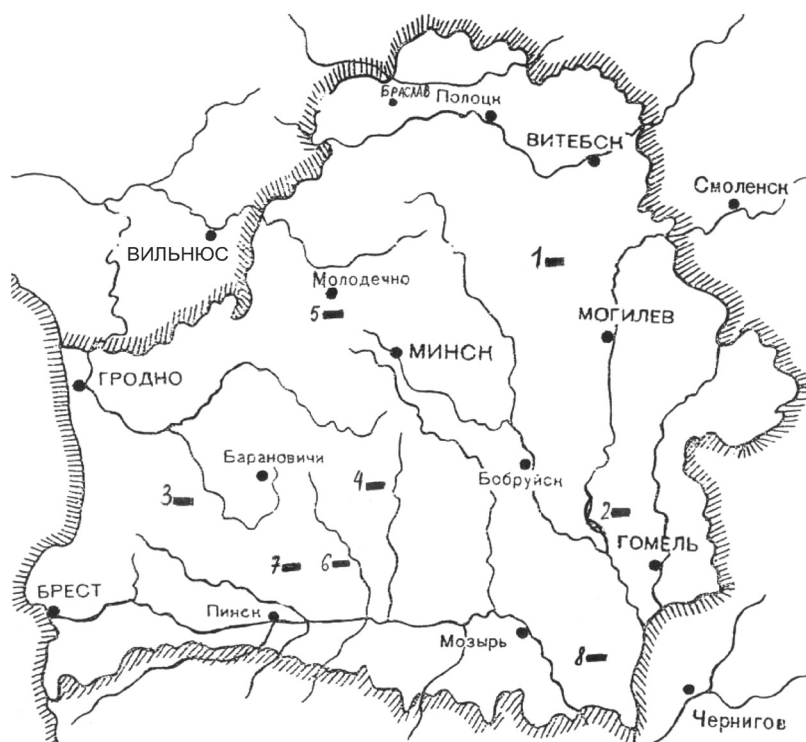

Рис. 1. Места раскопок И. И. Саливон белорусских сельских кладбищ XVIII–XIX вв.: 1 – д. Лукомль Чашникового р-на Витебской обл.; 2 – д. Губичи Буда-Кошелевского р-на Гомельской обл.; 3 – д. Гловсевичи Слонимского р-на Гродненской обл.; 4 – д. Прусы Копыльского р-на; 5 – д. Носилово Молодечненского р-на Минской обл.; 6 – д. Погост Загородский Пинского р-на Брестской обл.; 7 – д. Камень Пинского р-на Брестской обл.; 8 – д. Губичи Хойникского р-на Гомельской обл. [17, с. 33]

никского района Витебской области, д. Губичи Буда-Кошелевского района и д. Милевичи Житковичского района Гомельской области, д. Гловосевичи Слонимского района Гродненской области, д. Прусы Копыльского района и д. Новосилово Молодеченского района Минской области, д. Погост-Загородский и д. Камень Брестской области. В настоящее время она хранится в коллекции отдела антропологии и экологии Института истории НАН Беларуси [17].

Дальнейшее поступление краниологических материалов стало возможным благодаря осуществленным белорусскими и российскими археологами раскопкам курганных и грунтовых могильников разных исторических периодов. Ленинградские археологи Ф. Д. Гуревич и К. В. Павлова, проводившие раскопки в Новогрудке, в 1962 г. передали И. И. Саливон для исследования костные материалы из грунтового могильника, функционировавшего очень непродолжительное время – с конца XI до начала XII в. Позднее ими были также переданы материалы из раскопок курганов, расположенных вокруг Новогрудка: 16 сельских курганных могильников (д. Батаревка, Бретянка, Брельники, Городиловка, Орловичи, Сулятичи) (рис. 2). Это был первый материал по городскому (29 мужских и 12 женских черепов) и сельскому (17 мужских и 21 женский череп) средневековому населению Новогрудчины. Изученная городская серия отличается от сельской серии того же времени более крупными размерами, более узким носом с более высоким перепоном, несколько более профилированным в горизонтальной плоскости лицом. Такая совокуп-

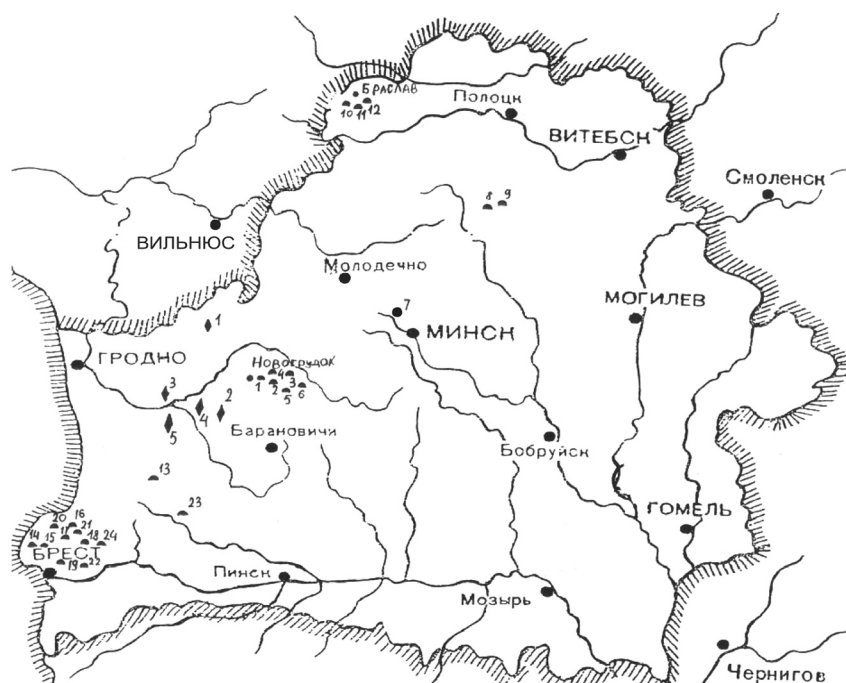

Рис. 2. Места раскопок Ф. Д. Гуревич и К. В. Павловой курганных могильников конца XI – начала XII в.: 1 – д. Бретянка; 2 – д. Сулятичи; 3 – д. Брельники; 4 – д. Городиловка; 5 – д. Батаревка; 6 – д. Орловичи Новогрудского р-на Гродненской обл. [13, с. 94].

Место раскопок Ю. А. Зайца курганных могильников X–XIII вв.: 7 – Заславль Минского р-на Минской обл. [5, с. 29].

Места раскопок Г. В. Штыхова курганных могильников X–XIII вв.: 8 – д. Домжерицы Лепельского р-на; 9 – д. Закурье Чашникского р-на Витебской обл. [38, с. 86].

Места раскопок Л. В. Дучиц курганных могильников IX–XIV вв.: 10 – д. Кузьмовщина Браславского р-на; 11 – д. Абрамово Верхнедвинский р-на; 12 – д. Лесная Миорского р-на Витебской обл. [2, с. 22].

Места раскопок Т. М. Коробушкиной курганных могильников сельского населения IX–XIII вв. Среднего Побужья: 13 – д. Могилевцы Пружанского р-на; 14 – д. Малые Звезды Брестский р-н; 15 – д. Кустичи Каменецкого р-на; 16 – д. Лисовиццы Каменецкого р-на; 17 – д. Свищево Каменецкого р-на; 18 – д. Гурки Брестского р-на; 19 – д. Тростяница Каменецкого р-на; 20 – д. Войская Каменецкого р-на; 21 – д. Хотиново Каменецкого р-на; 22 – д. Харитоны Брестского р-на; 23 – д. Бутки Пружанского р-на; 24 – д. Большой Зосин Пружанского р-на Брестской обл. [27, с. 98].

Места раскопок А. В. Квятковской грунтовых сельских могильников X–XVII вв.: 1 – д. Вензовщина Щучинского р-на; 2 – д. Клепачи Слонимского р-на; 3 – д. Новоселки Зельвенского р-на; 4 – д. Миневщина; 5 – д. Новоселки Волковысского р-на Гродненской обл. [27, с. 95].

ность отличий свидетельствует о большей выраженности европеоидных черт у горожан Новогрудка в сравнении с селянами округа. Отмечены одинаковые пропорции лица, что свидетельствует об их генетической близости [13, с. 94].

Краниологические серии, полученные в 1981–1987 гг. А. В. Квятковской при раскопках на территории Гродненской области грунтовых сельских могильников с каменными обкладками, были измерены И. И. Саливон и А. И. Кушнером, а результаты обобщены в ряде статей [18] и разделов в монографиях [27; 29; 31]. Палеоантропологическая серия составила 35 мужских и 23 женских черепа из могильников X–XIII вв. (рис. 2). Эта серия характеризуется мезокранией со средними величинами размеров мозгового отдела черепа, низкими орбитами, среднешироким и высоким переносом, сильно выступающим носом. Прямой (ортогнатный) профиль лица в вертикальной плоскости при некоторой мезогнатности совмещается с его сильной профилировкой в горизонтальной области. Костный рельеф не грубый, вся серия достаточно грацильна. Отличия между мужскими и женскими черепами (половой диморфизм) ярко выражен: у женщин меньшие размеры, больший черепной показатель, относительно более низкое лицо и орбиты, более широкий нос, слабее выступают переносье и носовые кости. Более поздние краниологические материалы из каменных могильников в д. Клепачи Слонимского района (конец XIV – начало XVI в.) и д. Миневщина Волковысского района (XVI–XVII вв.) отличаются от предыдущей серии нарастанием брахикрании (больший черепной показатель). Поступление новых краниологических материалов из археологических раскопок на территории Гродненской области из могильника X–XIII вв. около д. Вензовщина Щучинского района и могильника XVI–XVII вв. около д. Новоселки Зельвенского района позволило установить очень большое сходство по всем признакам строения мужских черепов, что свидетельствует о слабой изменчивости антропологического типа в ряду поколений населения в данном регионе. Женские серии из д. Клепачей и Миневщины, а также мужские черепа начала XVI – XVII вв. из д. Новоселки очень схожи с серией из д. Вензовщина X–XIII вв. по всем признакам. Это может быть свидетельством преемственности в ряду поколений антропологического типа населения, которое хоронило умерших в каменных могильниках [27, с. 95–96]. Материалы по населению могильника X–XIII вв. из д. Вензовщина показали, что они имеют антропологическое сходство с племенами радимичей и вятичей. Схожесть объясняется преобладанием грацильного мезокранногозападнобалтского компонента, который участвовал в формировании антропологического типа отмеченных славянских групп [18, с. 81].

По комплексу расодиагностических признаков И. И. Саливон было отмечено, что все рассматриваемые серии X–XIII вв. из Гродненской области, несмотря на значительное сходство, представлены двумя вариантами большой европеоидной расы – долихокранным массивным (серии из Новогрудского региона) и мезокранным грацильным со слегка ослабленными европеоидными чертами (серия из Вензовщины). Таким образом, была выявлена наибольшая степень схождения между городской краниологической серией из грунтового могильника конца XI – начала XII в. в Новогрудке и сельской серией из курганных погребений XI–XIII вв. вокруг города, что, согласно исследованиям, свидетельствует о заселении города преимущественно жителями из его окрестностей [32, с. 20–21]. Автор сделала вывод о том, что население XVIII–XIX вв. по сравнению с населением X–XIV вв. характеризуется большим черепным указателем, что обусловлено изменением соотношения длины и ширины мозгового отдела черепа, а именно его укорочением по величине продольного диаметра и расширением черепа в области наибольшей ширины лба, основания черепа и затылка. Были отмечены меньшая выраженность рельефа черепа и слабо развитое надбровье у населения XVIII–XIX вв. [16, с. 100].

Суммарная белорусская серия конца XVIII – XIX в., по мнению И. И. Саливон, представляет один из вариантов большой европеоидной расы – близкой к балтийскому типу, но отличается сочетанием умеренно выступающего средней ширины носа с несколько пониженным переносьем ослабленной профилировкой лица на уровне орбит. К этому типу также относится население восточных областей Латвии, Литвы и Эстонии и русское население Смоленской и Калининградской областей. При сравнении белорусской серии с хронологически одновременными со смежных территорий наибольшая степень схождения отмечается с русскими сериями западных областей. Белорусов XVIII–XIX вв. с сериями восточных латышей и эстонцев, согласно выводам И. И. Саливон,

сближает комплекс признаков: несколько ослабленное выступание носа в сочетании с вполне европеоидными величинами, которые характеризуют высоту переносья и горизонтальную профилировку лица [15, с. 8–10].

Исследованная И. И. Саливон серия X–XIV вв. была получена Т. Н. Коробушкиной в 1981–1986 гг. при раскопках курганов на территории Брестской области около д. Большой Зосин, Могилевцы, Бутьки Пружанского района, д. Харитоны, Гурки, Малые Зводы Брестского района, д. Кустичи, Лисовщицы, Свищево, Войская, Тростяница, Хотиново Каменецкого района (рис. 2). Всего исследованы костные останки из 61 погребения, для краниологических измерений оказалась пригодной только суммарная серия, состоящая из 24 мужских и 26 женских черепов. Средний биологический возраст у мужчин составлял 37,3 года, средний возраст погребенных женщин составлял 36,2 года. Это свидетельствует о более высокой частоте смертности у женщин в более молодом возрасте. Среди этих серий серия сельского населения X–XIV вв. Брестской области характеризуется наименьшими размерами черепа с более ярко выраженной европеоидностью по совокупности признаков, которые отражают строение носа и горизонтальную профилировку лица [27, с. 100]. Сравнение хронологически одновременных серий мужских черепов из курганных погребений X–XIII вв. Гродненской области и IX–XIV вв. Брестской области показало, что брестская серия характеризуется выраженным европеоидным обликом и близка к серии из грунтового могильника Новогрудка, а по сильной профилированности лица – к населению Понеманья.

Среди сельского населения, обитавшего на территории Беларуси на протяжении II тыс. н. э., И. И. Саливон выявила направление морфологической перестройки скелета во времени. Она установила изменения, которые проявились в постепенном уменьшении массивности скелета (процесс грациализации) и изменении формы мозгового отдела черепа от удлиненной в лобно-затылочном направлении (долихокранной) до округлой (брахикранной) [11–13]. На всей территории Беларуси сократился продольный диаметр черепа и увеличился поперечный, стал более прямым лоб, произошло уменьшение массивности костей мозгового отдела. Таким образом, процесс брахикефализации сочетался с уменьшением массивности костей мозгового отдела черепа. Грациализация в меньшей степени отразилась на структуре лицевого отдела черепа: несколько уменьшилась длина основания лица, сократилась скуловая ширина, а орбиты глаз приобрели более округлую форму. Такие изменения были более выражены у женщин. Сократились все размеры нижней челюсти, особенно у мужчин.

Разработка новых методов палеоантропологических исследований, новые археологические, исторические, этнологические и лингвистические сведения позволили уточнить происхождение ряда локальных особенностей различных систем морфологических признаков у населения II тыс. н. э. [15; 22; 25; 29]. Было определено место белорусов среди восточных славян [19], сформулированы основные методологические принципы оценки палеоантропологических данных с учетом этноисторических процессов и изменчивости структурных показателей скелета [15; 20; 21; 23; 24; 28; 30].

Исследования белорусских авторов совместно с польскими коллегами были посвящены теме антропологического изучения белорусско-польского пограничья [30]. Для сравнения краниологических данных с белорусской территории использовались серии из сельских могильников XVIII–XIX вв., полученные из раскопок И. И. Саливон, объектом исследования с польской территории – костные материалы из двух грунтовых могильников, расположенных в территориально близких пунктах Подлясского воеводства – в Райске и Козликах, датированных XVI–XIX вв., полученных польскими археологами З. Кобылинским и Д. Краснодембским (в Райске 26 черепов, из них 14 мужских 12 женских; в Козликах 11 черепов, из них 6 мужских и 5 женских). В результате анализа краниометрических показателей рассматриваемых польских серий и краниологических серий из белорусских сельских могильников XVIII–XIX вв. была отмечена почти полная идентичность сравниваемых серий по средним величинам поперечного диаметра черепа, ширине и высоте орбит, пропорциям лицевого скелета, т. е. по указателям орбитному (52:51) и выступания лица (40:50). Для польских и белорусских серий характерно своеобразное сочетание некоторой уплощенности лица на уровне орбит с сильным выступанием переносья и носовых костей. Все это позволило авторам сделать вывод о генетической близости, при этом учитывалось, что

антропологическое сходство формируется по биологическим законам, т. е. на родственной антропологической основе. Этническая близость формируется на основе социальных закономерностей. Из этого следует, что принадлежность к одному антропологическому типу не всегда является свидетельством этнической идентичности, так как антропологическое сходство населения на большой территории свидетельствует лишь о древних истоках биологического единства, но в ходе истории на единой антропологической основе могли сформироваться разные этносы со специфическим этнокультурным комплексом признаков [26, с. 342–343].

На основании антропологических данных И. В. Чаквиным совместно с литовским антропологом Г. Чеснисом впервые была предпринята попытка реконструкции уровня смертности и продолжительности жизни у средневекового населения Подвинья и Понеманья [33]. Авторами были проведены исследования краниологических материалов курганного периода X–XIII вв. и материалы более позднего исторического периода XIV–XVI вв. Изучение черепов было ими проведено по 48 неметрическим признакам. Всего по программе было исследовано 345 черепов (169 – мужских, 139 – женских, 37 – детских) из 42 могильников преимущественно с белорусской территории (X–XIII вв.), а также из могильников д. Войста и Ланкишкис территории Гродненской области – белорусско-литовское пограничье (XIV–XVI вв.). Исследованный краниологический материал был объединен в пять территориальных групп: северную, восточную, южную, западную и центральную (соответственно областям расселения древних восточнославянских племен полочан, дреговичей, радимичей и их пограничью). В северную группу авторы включили черепа из области расселения полочан, с земель дреговичей. Восточная группа относится к территории радимичей, а центральная занимает район полочанско-дреговичского пограничья.

Исследования позволили авторам четко разделить краниологические серии курганного и более позднего периода с территории Беларуси на два кластера. В первый вошли северная и восточная группы. Все остальные группы объединяются в другой кластер, внутренние связи которого свидетельствуют о биологическом родстве южной, центральной и западной краниологических серий, притом центральная группа (полочанско-дреговичское пограничье) более всего тяготеет в южной (дреговичской) серии. Более поздние краниологические серии с литовско-белорусского пограничья – Войстом и Ланкишки – наиболее близки соответственно к центральной и южной группам курганного периода, несколько меньше – к западной и совсем далеки от северной и восточной. Аналогичная географическая изменчивость антропологических признаков на северо-востоке и юго-западе сохранилась на территории Беларуси, как было отмечено исследователями и в последующие времена [33, с. 53–54].

В исследованиях вопросов этнической истории белорусов И. В. Чаквин также привлекал антропологические данные [34; 36; 37]. Им совместно с А. И. Кушниром были исследованы краниологические серии, взятые из археологических раскопок курганных могильников, которые проводились Г. В. Штыховым (д. Домжерицы Лепельский район, д. Закурье Чашникский район Витебская область) [38, с. 86], Ю. А. Заяцем (Заславль) [5, с. 29] и Л. В. Дучиц (д. Кузьмовщина Браславского района, д. Лесное, Абрамово Верхнедвинского района Витебской области) [2, с. 22] (рис. 2). По ним авторы установили, что на территории Полоцкой земли среди населения X–XIII вв. встречались не только массивные широколицые, но и менее массивные, узколицие локальные варианты [33]. Процессы преемственности и изменчивости основных краниометрических признаков, по мнению И. В. Чаквина, проходили с X по XIX в. в различных областях Беларуси с некоторой вариативностью. Это явление объяснено наследием специфики древнерусских локальных антропологических комплексов и особенностями этноисторической ситуации XIV–XVI вв. [35]. Наиболее стабильно первоначальные и наиболее типичные антропологические комплексы сохранялись в Средневековье в некоторых восточнославянских объединениях: полоцких, смоленских и псковских кривичей, дреговичей, северян, древлян, волынян, частично ильменских славян и радимичей. Их основным краниологическим комплексом являлось сочетание долихо-мезокрании, среднеширокого и широкого лица с выразительной горизонтальной профилировкой и сильно или средневыступающими носовыми костями. В западной части восточнославянского ареала – в зонах контактов с балтами (у западных кривичей, дреговичей) преобладали долихо- и мезокранные, более высоко- и широколицые, массивные варианты, в восточной части (у восточных

кривичей, вятичей, ильменских словен) преобладал долихокранный, более узколицый вариант с меньшим углом выступа носовых костей, что рассматривается как результат метисации с автохтонными финно-угорскими группами. Наиболее близкими к основным доминирующим в Средние века восточнославянским антропологическим типам Беларуси являются краниологические славянские серии XI–XIII вв. с территории украинской Волыни и сопредельных районов Польши, земель прибалтийской чуди, а также серии IV–VI и X–XIII вв., **связанные с древностями западнобалтского ятвяжского союза племен и культуры штрихованной керамики с территории Литвы** [7, с. 37].

В качестве доклада на научной конференции «Этногенез белорусов» В. В. Бунаком в 1973 г. была подготовлена статья «Балтийская антропологическая зона и ее границы» [1], где автор определил южную границу балтийской зоны в Беларуси между Днепром и Неманом по верховьям левых притоков Западной Двины. По мнению автора, примыкающую с юга область левых притоков Припяти по комплексу признаков правильнее отнести к переходному типу между балтийской и днепровской антропологическими зонами. Также в гомельском Полесье (Лельчицкий район) намечается своеобразный вариант, несколько отличный и от смежного северного, и от типа Волынского Полесья. По мнению автора, северный белорусский вариант и по археологическим, и по антропологическим данным приближается к исходному протобалтийскому типу.

Краниометрическое исследование населения X–XIV вв., **оставившего могильники с каменными кладками на территории Гродненской области**, было осуществлено А. И. Кушником совместно с И. И. Саливон [18]. Ими были использованы данные по добытым археологами материалам, которые составили 26 мужских серий черепов (девять серий, представляет пять регионов Беларуси: запад – д. Миневщина, Новоселки, Клепахи Гродненской области; северо-запад – д. Войстом, Хведевичи, Ланкишки Гродненской области; север – д. Друя Витебской области; восток – д. Горы Могилевской области; центр – г. Слуцк Минской области и 8 серий конца XVIII–XIX вв.: запад – д. Гловосевичи Гродненской области; северо-запад – д. Носилово Минской области; северо-восток – г. Лукомль Витебской области; центр – д. Прусы Минской области; юго-восток – д. Губичи, Мокиши Гомельской области; д. Погост-Городецкий, Камень Брестской области). К этим краниологическим материалам были добавлены данные по 9 сериям с территорий Псковской и Смоленской областей, западных и центральных регионов Украины, восточных регионов Латвии, территории Литвы, а также данные по сериям финнов и карел, обитавших на территории Беларуси в разные исторические периоды, что позволило А. И. Кушнику уточнить роль антропологических данных в решении ряда исторических вопросов, касающихся этногенеза белорусов [6; 7; 8, с. 295, 297]. По основным морфологическим показателям автором выявлено значительное сходство краниологических серий X–XIII вв., **исследованных И. И. Саливон, с антропологическими характеристиками более древнего населения Восточной Литвы и литовско-польско-белорусского пограничья, которое оставило памятники культуры штрихованной керамики III–V вв. и культуры каменных курганов (ятвяги) II–V вв. и XI–XIII вв.** [6, с. 294]. Значительные исследования проводились А. И. Кушником по краниологическим материалам Полоцкой земли XI–XIII вв. **Основой послужили коллекции черепов, взятые из раскопок, проводившихся в разных регионах Полоцкой земли в 1970-е гг. Г. В. Штыховым, Ю. А. Заяц, Л. В. Дучиц.** Серия представлена 31 мужским черепом. А. И. Кушник сравнил эту серию с данными черепов, измеренных Г. Ф. Дебецем, и определил значительное сходство по основным расодиагностическим признакам. Исключение составляет высотный (138,9) и скуловой (131,2) диаметры, которые наиболее близки по указанным признакам с сериями дреговичей, радимичей, северян и смоленских кривичей, которые исследовала Т. И. Алексеева. Серия, исследованная А. И. Кушником, была отнесена к долихокранному среднелицевому типу восточных славян X–XIII вв. [9, с. 49–50].

Исследования палеоантропологических серий более позднего исторического периода – XIV–XVIII вв. также проводились А. И. Кушником. Согласно выводам автора, население белорусских земель XIV–XVIII вв. характеризуется мезо-брахикранией (черепной указатель от 76,5 до 83,7 ед.), среднешироким (скуловой диаметр от 127,3 до 136 мм) и относительно невысоким (верхняя высота лица от 68 до 70,3 мм) лицом. Долихокранные черепа, характерные для предшествующего периода XI–XIII вв., **почти не встречаются. При этом краниологический тип XIV–XVIII вв. репрезентативно укладывается в круг форм, присущих сельскому населению Беларуси второй по-**

ловины XVIII–XIX вв. Автор высказал предположение, что антропологический тип белорусов в своих основных чертах формировался в XIV–XVII вв. в результате активизации интеграционных этносоциальных процессов между различными регионами Беларуси, возросшей социальной мобильности населения, усиления интенсивности межэтнических контактов и расширения круга брачных связей. По исследованным материалам была отмечена значительная гетерогенность антропологического состава населения Беларуси в XIV–XVIII вв. **во всех регионах Беларуси.** По мнению автора, это объясняется ростом миграционной активности и перемещения больших групп людей из одних районов в другие, миксации населения, сформировавшей морфологическую мозаичность [8, с. 303, 307].

Существенный вклад в изучение динамики антропологического состава населения северного региона Беларуси внесли исследования О. А. Емельянчик [3; 4]. Ею были измерены 572 черепа, взятые из археологических раскопок в Полоцкой земле X–XIII вв., сельских погребений Полоцкой земли XIII–XVI вв., погребения XVII–XVIII вв. в Минске, кладбища города-замка Горы Великие Горецкого района Могилевской области XVII–XVIII вв. [4, с. 5].

Автор обосновала антропологическую неоднородность населения Полоцкой земли XI–XIV вв., где в составе курганного населения преобладал европеоидный умеренно широколицый антропологический тип, который генетически связан с древнейшим населением региона. Среди сельского населения Северной Беларуси XI–XIX вв., согласно ее выводам, отмечалось ослабление европеоидных черт, заключавшихся в снижении выступания переносья у мужчин, а у женщин – еще в увеличении выступания средней части лица. Эти процессы ослабления европеизации сопровождались с эпохальными сдвигами в направлении брахикефализации и грацилизации. Исходя из полученных палеоантропологических данных, были установлены закономерные межполовые различия показателей смертности у населения XI–XIX вв., согласно которым женщины имели меньшую среднюю продолжительность жизни по сравнению с мужчинами и пик смерти у них приходился на наиболее активный репродуктивный период – 20–30 лет [4, с. 14–15].

Начавшаяся с XIII–XIV вв. брахикефализация населения Полоцкого региона была связана с изменениями генофонда вследствие активизации миграционных процессов и смешения разных групп населения [3]. Исходя из результатов сравнительного анализа краниометрических данных сельского населения XI–XIII вв., погребений с каменными кладками XIII–XVII вв. и сельского населения конца XVIII–XIX вв. на территории д. Лукомль Чашникского района Витебской области, И. И. Саливон и О. А. Емельянчик было установлено, что как и в большинстве европейских стран, среди населения Северной Беларуси в течение последнего тысячелетия происходили процессы брахикефализации черепа и грацилизации его мозгового и лицевого отделов. Авторами было отмечено, что тенденция эпохальной изменчивости заметна к XIII в. Результаты анализа краниометрических показателей сельского и городского населения Полоцкой земли во II тыс. н. э. в сравнении с хронологическими одновременными сериями с остальной территории Беларуси позволили охарактеризовать формирование антропологического состава населения Полоцкой земли в XI–XIX вв. [31].

Особый интерес представляет палеоэкологическое исследование О. А. Емельянчик, посвященное определению частот встречаемости маркера анемического стресса – *cribra orbitalia* [3]. Согласно выводам автора, серия черепов, представленная материалами сельских могильников XVIII–XIX вв. с территории Беларуси, выявляет встречаемость *cribra orbitalia* в 18% случаев. Ею была отмечена более низкая встречаемость патологии у сельского населения Беларуси XVIII–XIX вв. по сравнению с данными по средневековым популяциям X–XIV вв., а также популяциям XIV–XVII вв. Это объясняется более благоприятными условиями жизни по сравнению с ранним средневековьем. Рассчитанная по специально разработанным для палеодемографических исследований формулам, средняя ожидаемая продолжительность жизни оказалась более низкой у индивидов с наличием *cribra orbitalia*. Автор отметила более частую встречаемость индикатора анемии *cribra orbitalia* у детей, в сравнении с взрослыми [4, с. 15].

Исходя из предложенного в 1922 г. В. В. Бунаком метода дифференциации ряда краниотипов, который позволил детализировать структурные эпохальные преобразования формы черепа, авторами были сделаны выводы о том, что в начале XXI в. в центральном регионе Беларуси

наблюдается процесс дебрахицефализации за счет увеличения частот встречаемости долихо- и мезоцефальных индивидов и уменьшения брахицефальных как среди мужчин, так и среди женщин. За четверть века за счет увеличения среднешироких (параэуроидных) типов произошло уменьшение численности широких (эуроидных) типов. Вместо широких среднелинноголовых (эуроидномезоидных) морфотипов начинают преобладать среднеширокие среднелинноголовые (параэуроидномезоидные) морфологические типы, т. е. процесс дебрахицефализации сопровождается уменьшением прежде всего поперечного диаметра мозгового отдела головы. Половые различия процесса дебрахицефализации выразились в большей его интенсивности у женщин по сравнению с мужчинами. Среди преобладающего у представителей обоего пола среднеширокого среднелинноголового морфотипа женщины оказались менее брахицефальными. Как отметили авторы, использование морфотипологического подхода позволило выявить особенности протекания процесса дебрахицефализации у населения центрального региона Беларуси и установить межполовые различия этого морфологического явления [10].

Таким образом, антропологическое изучение древнего населения Беларуси было начато И. И. Саливон в 1960-е гг. Палеоантропологические серии, из сельских кладбищ XVIII–XIX вв. с территории всех областей Беларуси, а также курганные серии, полученные при раскопках курганных могильников близ Новогрудка XI–XIII вв., стали основой для многочисленных исследований. На основании городской серии краниологических материалов X–XIII вв., найденных археологами около Новогрудка, и сельских кладбищ XVIII–XIX вв. И. И. Саливон была впервые выявлена преемственность антропологического типа. Вместе с тем на основании полученных данных автор доказала эпохальность процесса брахицефализации, который берет начало на белорусских землях с XIII в., а также процесса грацилизации (утонченности) скелета.

В 80-е гг. XX в. изучение антропологического типа населения белорусско-литовского пограничья продолжили И. В. Чаквин, А. И. Кушнир и литовский антрополог Г. Чеснис. И. В. Чаквиным и Г. Чеснисом была впервые предпринята попытка реконструкции уровня смертности и продолжительности жизни у средневекового населения Подвинья и Понеманья. Было отмечено, что процессы преемственности и изменчивости основных краниометрических признаков проходили с X по XIX в. в различных областях Беларуси с некоторой вариативностью.

Многочисленные исследования О. А. Емельянчик посвящены населению Полоцкой земли и сопредельных территорий в XI–XVIII вв. Результаты анализа краниометрических показателей сельского и городского населения Полоцкой земли во II тыс. н. э. в сравнении с хронологическими одновременными сериями с остальной территории Беларуси позволили охарактеризовать формирование антропологического состава населения Полоцкой земли в XI–XIX вв. Автор затрагивала проблемы встречаемости у древнего населения Беларуси маркера анемического стресса *cribra orbitalia*, внесла значительный вклад в разработку перспективного направления современной антропологической науки – исторической антропоэкологии.

Литература

1. Бунак, В. В. Балтийская антропологическая зона и ее границы / В. В. Бунак // Этногенез белорусов: тез. докл. – Минск, 1973. – С. 86–89.
2. Дучыц, Л. У. Браслаўскае Паазер’е ў IX–XIV стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс / Л. У. Дучыц // АН БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 120 с.
3. Емельянчик, О. А. *Cribra orbitalia* как маркер анемического стресса в исследованных ископаемых популяциях с территории Беларуси / О. А. Емельянчик // Актуальные вопросы антропологии. – Минск, 2006. – С. 177–184.
4. Емельянчик, О. А. Формирование антропологических особенностей населения Беларуси XI–XIX веков (по данным краниологии): автореф. дис. ... канд. биол. наук: 03.03.02 / О. А. Емельянчик; НАН Беларуси, Ин-т истории. – Минск, 2013. – 21 с.
5. Заяц, Ю. А. К вопросу о курганных захоронениях с нарушенным анатомическим порядком костяков / Ю. А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2007 годзе. – Мінск, 2009. – Вып. 17. – С. 29–31.
6. Кушнир, А. И. Этнические процессы на территории Беларуси на рубеже I–II вв. н. э. в свете краниологических данных / А. И. Кушнир // Актуальные вопросы антропологии. – Минск, 2009. – Вып. 4. – С. 284–296.
7. Кушнир, А. И. Этнагістрычныя асаблівасці фарміравання антрапалагічных рыс насельніцтва Беларусі / А. И. Кушнир, І. У. Чаквін // Беларускі гістарычны часопіс / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь. – Мінск: Пачатковая школа, 2010. – С. 35–40.

8. Кушнир, А. И. Этносоциальные процессы в Беларуси XIV – первой половины XVIII в. в свете антропологических данных / А. И. Кушнир // Актуальные вопросы антропологии. – Минск, 2010. – Вып. 5. – С. 295–309.
9. Кушнир, А. И. «Полочане» в палеоантропологии Восточной Европы / А. И. Кушнир // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX–XXI вв. – Минск, 2011. – С. 48–52.
10. Помазанов, Н. Н. Морфотипологические особенности дебрахикефализации населения Центральной Беларуси / Н. Н. Помазанов, И. И. Саливон // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. – 2010. – № 1. – С. 66–75.
11. Саливон, И. И. Палеоантропология Белоруссии и вопросы происхождения белорусского народа (по краниологическим материалам II тыс. н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14 / И. И. Саливон; АН СССР, Ин-т этнографии. – М., 1969. – 23 с.
12. Саливон, И. И. Краниологические материалы из Северо-Восточной Белоруссии / И. И. Саливон // Древности Белоруссии. – Минск, 1969а. – С. 459–463.
13. Саливон, И. И. Палеоантропология Белоруссии и вопросы происхождения белорусского народа (по краниологическим материалам II тыс. н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14 / И. И. Саливон; АН СССР, Ин-т этнографии. – М., 1969б. – 25 с.
14. Саливон, И. И. Краниологический и одонтологический материалы по населению Белоруссии II тыс. н. э. в связи с вопросами этногенеза / И. И. Саливон // Glasnik anropol. drugstva Jugosl. – Beograd, 1971–1972. – Sv. 8–9. – S. 159–165.
15. Саливон, И. И. К вопросу об антропологической основе в формировании физического типа белорусов (краниологические материалы) / И. И. Саливон // Этногенез белорусов. – Минск, 1975. – С. 89–93.
16. Саливон, И. И. Роль древнего населения в формировании некоторых антропологических особенностей населения Белоруссии / И. И. Саливон // Glasnik anropol. drugstva Jugosl. – Beograd, 1975. – Sv. 12. – S. 99–100.
17. Саливон, И. И. Антропологическая характеристика населения Белоруссии II тыс. н. э. по палеоантропологическим материалам / И. И. Саливон, Л. И. Тегако, А. И. Микучич // Очерки по антропологии Белоруссии. – Минск, 1976. – С. 18–101.
18. Салівон, І. І. Краніялогія насельніцтва беларускага Панямоння па матэрыялах каменных могілнікаў / І. І. Салівон, А. В. Квяткоўская, А. І. Кушнір // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1989. – № 3. – С. 73–81.
19. Салівон, І. І. Месца беларусаў сярод усходніх славян па даных антрапалогіі / І. І. Салівон, А. І. Мікуліч // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1992. – № 1. – С. 81–90.
20. Салівон, І. І. Фарміраванне фізічнага тыпу беларусаў / І. І. Салівон // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы). – Мінск, 1993. – С. 44–47.
21. Саливон, И. И. Краниологическая характеристика населения, обитавшего в XVIII–XIX вв. на территории Беларуси в разных экологических условиях / Л. И. Тегако, И. И. Саливон, О. В. Марфина // Экологические изменения и биокультурная адаптация человека. – Минск, 1996. – С. 226–246.
22. Саливон, И. И. Краниологическая характеристика населения, обитавшего на территории Беларуси в разных экологических условиях / И. И. Саливон // Экологические изменения и биокультурная адаптация. – Минск, 1996а. – С. 226–246.
23. Саливон, И. И. Этноисторические аспекты формирования белорусов / И. И. Саливон // Этногенез и этнокультурные контакты славян. – М., 1997. – Т. 3. – С. 270–278.
24. Саливон, И. И. Межпоколенная изменчивость некоторых структурных особенностей черепа у населения Беларуси в свете эпохальных процессов / И. И. Саливон // Вестник антропологии. – М., 1998. – Т. 4. – С. 103–114.
25. Саливон, И. И. Некоторые особенности физического типа древнего населения Беларуси / Л. И. Тегако, И. И. Саливон, О. В. Марфина и др. // Экологические изменения и биокультурная адаптация человека. – Минск, 1998а. – С. 226–246.
26. Саливон, И. И. Особенности строения черепа и посткраниального скелета у позднесредневекового населения польско-белорусского пограничья / И. И. Саливон, Л. И. Тегако, Д. Краснодэнбский, М. Пыжук-Ленарчик // Экологическая антропология. – Минск, 2003. – С. 342–345.
27. Салівон, І. І. Антрапалагічная характарыстыка старажытнага аселяніцтва / І. І. Салівон // Беларусы. Антрапалогія. – Мінск: Беларус. навука, 2006. – Т. 9. – С. 87–107.
28. Саливон, И. И. Проблемы сопряженности с этнокультурными процессами изменчивости во времени физического типа и антропологического состава белорусов / И. И. Саливон // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – Мінск, 2007. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 239–245.
29. Саливон, И. И. Историческая и экологическая обусловленность формирования биологических особенностей древних популяций человека по данным / И. И. Саливон, О. В. Марфина // Актуальные вопросы антропологии. – Минск, 2009. – Вып. 4. – С. 263–284.
30. Саливон, И. И. Антропологическая характеристика древнего и современного населения белорусско-польского пограничья / И. И. Саливон // Антропология населения белорусско-польского пограничья в свете этнической истории славян. НАН Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2009. – С. 54–126.
31. Саливон, И. И. Формирование антропологического состава населения Полоцкой земли в XI–XIX вв. / И. И. Саливон, О. А. Емельянич // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вывучэнне археалагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка). – Мінск, 2011. – Вып. 21. – С. 19–29.
32. Саливон, И. И. Антропологическая характеристика городского и сельского населения, обитавшего в X–XIII вв. на территории Гродненской области / И. И. Саливон // Людзі і ўлада Навагрудчыны: гісторыя ўзаемадзеяння:

(да 500-годдзя надання Навагрудку прывілея на магдэбурскае права): зб. навук. арт. (Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2013. – С. 9–22.

33. *Чеснис, Г.* Использование неметрических краниологических признаков в этногенетических исследованиях (по палеоантропологическим материалам X–XIV вв. с территории БССР) / Г. Чеснис, И. В. Чаквин // *Glasnik antropološkog društva Jugoslavje*. – Beograd, 1986a. – Sv. 23. – S. 53–60.

34. *Чаквін, І. У.* Беларуская народнасць у XVII–XVIII стст. / І. У. Чаквін // *Этнаграфія беларусаў*. – Мінск, 1985. – С. 118–143.

35. *Чаквін, І. В.* Проблемы происхождения белорусской народности: (Историография и опыт изучения процесса этнического формирования): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / И. В. Чаквин. – Минск, 1981. – 228 с.

36. *Чаквін, І. У.* Этнічныя працэсы ў XIV – першай палове XVII ст. // *Беларусы: Вытокі і этнічнае развіццё*. – Мінск, 2001. – Т. 4. – С. 48–170.

37. *Чаквін, І. У.* Беларускі этнас у другой палове XVII–XVIII ст. / І. У. Чаквін // *Беларусы: Вытокі і этнічнае развіццё*. – Мінск, 2001a. – Т. 4. – С. 171–213.

38. *Штыхаў Г. В.* Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г. В. Штыхаў // *АН Беларусі, Ін-т гісторыі*. – Мінск.: Навука і тэхніка, 1992. – С. 191.

V. A. SHYPILA

MAIN RESULTS OF PALEOANTHROPOLOGICAL RESEARCHES IN BELARUS

Summary

In the article the author gives review of the paleoanthropological researches, done on the territory of Belarus since 1960-s. The core of this research is the anthropological material, got in the process of the archeological excavations, carried out on the territory of Belarus in XX century and up to now. The author dwells on the results of anthropological research by G. Debets in 1930-s, which were devoted to the craniological collection, lost during World War II. Excavations of rural cemeteries of the end of XVIII–XIX centuries in all the districts of Belarus were carried out by I. Salivon at the end of 1960-s. These cemeteries are very close to the modern ones from the aspect of burial. Data on the town craniological series of Navahrudak of XI–XIII centuries given by the archeologists F. Hurevich, K. Pavlova were studied. Data on craniological series of the same period, got by A. Kviatkovskaya on the territory of the oblast of Hrodna during the excavations of the sepulchers with stone facing were studied too as well as series of X–XIV centuries, got by T. Karobushkina when excavating the burial mounds in the district of Brest. It was I. Salivon who found out the peculiarities of the epochal changing since XIII centuries. These peculiarities consisted in slow brachycephalisation of the population of the Belarusian land. I. Salivon discovered the continuity between two series in spite of belonging of Navahrudak series of XI–XIII centuries to the urban population and of belonging of the series of XVIII–XIX centuries to the rural population. The Belarusian series of XVIII–XIX centuries in opinion of I. Salivon appeared to be one of the variants of the Caucasian race – close to the Baltic type, but they were notable for the combination of an average protruding nose of an average width with a little bit low bridge of nose, on one hand, and a weakened profile on the eye socket level. The conclusion of the author corresponds with the hypothesis of V. Bunak, who placed the Baltic zone south border between the Dnieper and the Neman along the upper reaches of the Western Dvina left tributary. It was I. Chakvin, H. Chesnis, A. Kushnir who continued the ancient population researches. I. Chakvin and H. Chesnis were the first ones to try to reconstruct of the death rate and life expectancy of the medieval population that lived near the Western Dvina and the Neman rivers. These scientists noted that the continuity and changeability processes of the basic craniological features happened from X to XIX century in the different districts of Belarus with some variability. O. Yemelianchuk continued this anthropological structure study of the Belarusian population in XI–XIX centuries. She measured a lot of new craniological materials from the territory near Polatsk and its border regions. Belarusian land migration problems and the aspects of historical paleodemography have been analyzed. Cases of paleopathological skeleton changes of the ancient population (illustrated by the anaemic stress factor (Lat. cribio orbitalia)) have been studied.